

Увеселительные сады Москвы на рубеже XIX – XX веков

Необычные сады

В один из погожих дней 1912 года корреспондент театрального журнала «Студия» по поручению редакции совершил прогулку по московским летним садам. Зайдя в «Эрмитаж», он «начал пытливо вглядываться»: «шел-то я в сад, а деревьев не вижу. Заметил вдали, на заднем плане пару худосочных, заброшенных злаков-деревьев, вздохнул облегченно и ... устыдился своей отсталости. «Не мыслишь ты сада без деревьев, жалкий, наивный провинциал», - сказал я сам себе... А «деревя» между тем вокруг было далеко не мало. Одеревенелые физиономии официантов, деревянные лица и фигуры «этих» и всяких иных дам, стоеросовая игра «миниатюрщиков» на открытой сцене». В Зоологическом саду оказалось «чуть больше деревьев, гораздо меньше публики и никаких аттракционов», а в «Аквариуме» деревьев совсем не имелось, зато «было полным полно цветов, публики и всевозможных увеселений»¹.

С помощью такого незамысловатого публицистического приема обозреватель журнала решил поиронизировать над увеселительными садами – садами без деревьев. Со второй половины XIX в. эти развлекательные заведения стали доступны для широкой публики и открывались во многих русских городах. Они располагались под открытым небом, и чаще всего на их территории находились театр, ресторан с эстрадой и всевозможные увеселительные предприятия. При таких заведениях собственно сад с зелеными насаждениями мог называться садом лишь условно.

Первоначально увеселительные сады именовались «воксалами». Само понятие «воксал» произошло от названия поместья Фокса де Броте «Fox-hall» (впоследствии Vauxhall) на юге Лондона. Там начиная с 1661 г. устраивались летние балы, спектакли, фейерверки и другие увеселения, а потом был разбит первый в истории увеселительный сад New Spring Gardens или Vauxhall, просуществовавший вплоть до 1859². Слово «Vauxhall», переименованное на русский манер в «воксал», из имени собственного превратилось в нарицательное, а впоследствии дало название железнодорожным станциям. С начала XVIII столетия увеселительные сады или «воксалы» стали распространяться по всей Европе, и эта мода не обошла стороной и Россию. По приказу Петра I был открыт Екатерингофский вокзал, первое летнее клубно-концертное предприятие столицы, просуществовавшее около 40 лет, пока не сгорело³. Немного позже возникают летние театры-сады в Москве, сначала при городских усадьбах, а потом уже как самостоятельные увеселительные сады.

Летняя антреприза приобретала все большую популярность и способствовала развитию отечественной эстрады. Этот процесс был сильно заторможен в 1854 г., когда в

разгар Крымской войны Николай I утвердил «Правила касательно учреждения различного рода публичных увеселений и престопадных забав в столицах», внесшие сильные ограничения в организацию эстрадного дела. Монополия казенных театров окончательно закрепила официальным отношением Министерства императорского двора от 2 апреля 1862 г., по которому «публичные сценические представления составляют исключительное право императорских театров, и изъятие допускается только в уважение к благотворительной цели, притом не иначе, как с высочайшего разрешения»⁴.

Вместе с этим Дирекция императорских театров не чинила преград гастроллям иностранных исполнителей, хотя в их программе и преобладали вокальные и разговорные жанры. В Петербурге и Москве появляются первые мюзик-холлы и кафешантаны по образцу лондонских и парижских, представлявшие собой слияние ресторана и сценической площадки, где исполнялись различные песенные номера, большей частью романсы эротического содержания и грубые шуточные песенки, и выступали фокусники и танцовщицы. Эта же тенденция распространилась и на увеселительные сады, закрепив за ними на двадцать с лишним лет статус заведения для праздного класса и буржуазии с развлечениями преимущественно легкого жанра. Увеселительные сады даже заимствовали имена западных кафешантанов – «Фоли-Бержер», «Монплезир», «Ренессанс», «Фантазия», «Тиволи» и др.

Монополия казенных театров была отменена в 1882 г., и с этого времени начался новый этап в существовании увеселительных садов.

Сады на любой достаток и вкус

С конца XIX в. по 1917 г. в Москве функционировало порядка 40 увеселительных садов и не менее 20 садов при ресторанах, гостиницах и варьете, причем некоторые закрывались, не проработав и сезона. Первые увеселительные сады в Москве возникали на окраинах Москвы и за ее пределами: в районе Рогожской заставы, Сокольников, Самотеки и Петровского парка. В дальнейшем эти места не пустовали, им отдавалось предпочтение при открытии новых увеселительных садов. Это обстоятельство, с одной стороны, можно объяснить дороговизной земли в центре города, а также отсутствием крупных зеленых насаждений в городской черте и трудностью их разбивки. С другой – все более разрастающимся заселением городских окраин и спросом на увеселения в этих районах.

Московские увеселительные сады были преимущественно частными коммерческими предприятиями. В конце XIX в. различные просветительские общества и городские власти тоже стали устраивать увеселительные сады, но уже с образовательно-воспитательными целями. Среди частных садов были крупные сады в центре города для

широкой аудитории, в основном для состоятельной публики, небольшие сады в загородных парках и на окраинах для рабочих, мещан и мелкого купечества и сады при ресторанах, гостиницах и варьете.

Внутри Садового кольца располагались два самых крупных частных сада – «Эрмитаж» в Каретном ряду и «Аквариум» на Садово-Триумфальной. «Эрмитаж» был основан в 1894 г. купцом Яковом Васильевичем Щукиным, который заботился о качестве развлекательной программы, и собственноручно занимался разбивкой и поддержанием самого сада. В «Эрмитаже» выступали многие актеры и музыканты с мировым именем, такие как Сара Бернар, Анна Павлова, Гарри Гудини, работали знаменитые русские художники – М. Врубель, К. Коровин, В. Серов. Московский Художественный театр играл свои первые сезоны 1898-1902 гг. на зимней сцене «Эрмитажа». Здесь же состоялся и первый сеанс кинематографа братьев Люмьер в Москве в 1895 г.

«Аквариум» был открыт в 1892 г. с легкой руки главного «мага и волшебника» Москвы, устроителя народных развлечений, актера и режиссера, Михаила Валентиновича Лентовского. До этого Лентовский был практически бессменным владельцем сада «Эрмитаж» на Самотеке, предшественника щукинского «Эрмитажа». «Аквариум» первоначально носил имя «Чикаго» и был разбит на месте бывшей французской электрической выставки. Его владельцы часто менялись, но дольше всего он пробыл в руках скандально известного антрепренера Шарля Омона, бывшего лакея из Франции. Омон делал акцент на водевильную программу, и по воспоминаниям некоторых современников и отзывам в прессе, превратил сад в бордель. Несмотря на дурную славу, именно «Аквариум» был местом, где демонстрировались новые изобретения, например, оттуда совершен один из первых полетов над Москвой на воздушном шаре.

Небольшие частные окраинные сады для простого народа чаще всего открывались на уже обжитом месте, где и до этого работала летняя антреприза. Это снижало риск того, что зрители не будут ходить в этот сад. Однако антрепренер Андрей Черепанов открыл два сада на совершенно новых местах, где до этого не было летней антрепризы: «Замоскворецкий театр и сад» на Щипке, будущий «Ренессанс», и «Потешный сад» в Сыромятниках. Сады проработали вплоть до 1917 года, что говорит о правильном выборе места их расположения. По устройству эти сады походили на «Эрмитаж» и «Аквариум», но предназначались для рабочего люда. Помимо выбора места была также важна ориентация на вполне конкретную публику. Так, например, режиссер Евгений Бауэр открыл в 1903 г. сад «Антей» в Екатерининском парке. Бауэр рассчитывал на публику с художественным вкусом и, исходя из этого, составлял садовую программу; плата за вход составляла 50 копеек, как и в крупных садах. К сожалению, место для подобного сада

было выбрано неудачно: он располагался вблизи рабочих окраин, поэтому пустовал и почти не приносил прибыли хозяину. «Антей» Бауэра проработал менее трех месяцев и в августе 1903 г. перешел в руки купчихе М. Х. Корзинкиной, которая полностью переменила направление программы, снизила плату за вход и цены на билеты. При ней «Антей» стал обычным небольшим увеселительным садом для окрестных жителей.

Чтобы как-то поддерживать городские парки, которые неважно финансировались, московские власти сдавали часть земли внаем под увеселительные сады. И в Сокольниках, и в Петровском парке существовало по паре таких отгороженных участков с летними постройками, которые снимались частными предпринимателями на один или несколько сезонов. Такая же участь постигла и Зоологический сад, на содержание которого не хватало выделяемых казной денег. Подробности этой метаморфозы можно найти у А. П. Чехова: «Антрепренер Александров нанял Зоологический сад и приспособляет его к блистательным представлениям. Сооружает в нем опереточный театр, будку для музыкантов, буфет, гимнастику и даже чистит пруд. Общество акклиматизации взяло с него арендных 2000 рублей. ... Что общего между зоологией и опереткой? Почему бы, кстати, и зоологический кабинет университета не отдать под оперетку? Наши зоологи объяснят эту несообразность просто: зверей кормить нечем. С голоду приходится или закрывать сад, или же пускаться на разные гешефты. Зимой, чтобы звери не подошли с голода, лучший волк был продан на садку за 30 руб. В этом году придется терпеть козлогласующих клиентов г. Александрова и пьяную публику, чтобы бедные *ursus*'ы и *lupus*'ы умерли с голода не теперь, а позднее»⁵.

В 1910-х гг. большую популярность приобретают маленькие садики при ресторанах и варьете в центре города⁶. Иногда они были совсем крошечными — площадка напоминала, скорее, не сад, а палисадник с зелеными насаждениями и цветником. Очень часто в эти сады выходили летние открытые веранды ресторана, куда в хорошую погоду выносились столы. Вход был свободным, но эти сады посещались именно привычной публикой конкретного ресторана, состав которой зависел от разряда последнего.

Что касается общественных садов, то в Москве их устройством занимались Московское попечительство о народной трезвости, Московское общество устройства народных развлечений и Московское общество народных университетов. Эти просветительские общества объединяли старания государства, благотворительных организаций и фабрикантов в борьбе с пьянством среди рабочих, ведь традиционный досуг простых горожан был так или иначе связан с употреблением спиртных напитков. Рабочие посещали гулянья в праздники, а в свободные минуты – дешевые трактиры с выпивкой, пением, чтением газет и азартными играми. Общественность и государство

стремились свести к минимуму подобное времяпрепровождение, которое в первую очередь сказывалось на производительности труда. Эти попытки выработать новые способы проведения досуга без алкоголя и с пользой получили название «разумные развлечения».

В Москве и Петербурге открылось несколько заведений с безалкогольными развлечениями, по форме организации копирующих увеселительные сады. Они устраивались при парках, при Народных домах, и также на рабочих окраинах. В Москве работало 11 народных домов, расположенных за пределами Садового кольца, однако, упоминание садов встречаются только при трех из них: это Алексеевский народный дом на Васильевской улице, Сергиевский на Новослободской и Грузинский на Большой Грузинской. Традиционным же гуляньям и разездам в Сокольниках и Петровском парке просветительские общества и городские власти пытались придать более организованный характер и сделать их также безалкогольными.

Устройство дел садовых

Садовыми антрепренерами обычно становились выходцы из театральной среды, ресторанные служащие, представители торгового мира и иностранцы с темным прошлым. Например, о происхождении антрепренера «Аквариума» Шарля Омона (настоящая фамилия Соломон) ходило много слухов. Наиболее распространенным был слух, что он бывший лакей из Франции, ограбивший своего хозяина и сбежавший в Россию. Омон «жил не по средствам, ежедневно брал из кассы 100 руб. и относил в Credit Lionalis для перевода в Париж. В Москве имел 9 постоянных любовниц и неисчисляемое количество временных». В 1907 г., прихватив кругленькую сумму и оставив вереницу неудовлетворенных кредиторов, он бежал из Москвы в Париж⁷, где устроился администратором в «Мулен Руж».

Что касается сословной принадлежности антрепренеров, то большинство – это бывшие крестьяне, приехавшие в город (многие из которых впоследствии пополнили ряды купцов), мещане и очень редко почетные граждане и дворяне. Основатель сада «Эрмитаж» Яков Васильевич Щукин (1856-1926) был родом из села Заозерья Ярославской губернии, из бедной крестьянской семьи. В четырнадцатилетнем возрасте его отправили в Николо-Угрежский монастырь на постоянное житье, где он осваивал садоводство и строительное дело, затем он обучался на фельдшерском отделении Московского Военного госпиталя. В Москве он устроился работать буфетчиком в «Эрмитаж» Лентовского на Божedomке, а некоторое время спустя открыл фруктовый буфет и киоски в Зоологическом саду, а также буфет в театре «Парадиз» на Никитской. С 1888 г. Щукин пополнил ряды

купцов второй гильдии. В это время у него появляется мечта создать собственный увеселительный сад, что и было осуществлено на Нижегородской ярмарке. Он снял сад на 3 дня, привез из Москвы парашютиста Гудрона и диковинные эстрадные номера, назначил входную плату в 50 копеек. Первый опыт закончился несколько комично: многие зрители предпочли сэкономить полтинник, и смотрели представление сквозь широкие просветы в заборе. Однако, Щукин не отступил от своего желания создать сад, и в 18 июля 1894 г. им был открыт «Эрмитаж».

На месте «Эрмитажа» была свалка, куда свозили мусор со всей округи.⁸ Щукин поселился у входа в сад, нанял рабочих и сам стал плотником, водопроводчиком, садовником. За два года были перестроены театр, открытая сцена, размещены теплые уборные для артистов, усовершенствованы освещение и паровое отопление, возведены эстрады, раковины для оркестров и ресторан с верандой. Перед открытием сада у Щукина был долг в 215 000 руб., и для того, чтобы напечатать афиши, он заложил зимнее пальто.⁹

Поставленное с большим размахом садовое дело «Эрмитажа» было выгодным и пользовалось большим спросом публики. По этой причине, у Щукина появляется долговременный проект — организовать громадный развлекательный комплекс, для чего он собирался выкупить землю и переоборудовать весь квартал между Каретным рядом, Садовой, Малой Дмитровкой и Успенским переулком. Он планировал разбить гигантский сад, выстроить несколько театров (отдельно для оперы, драмы, оперетты, балета, феерий), торговый пассаж, гостиницу (более чем на 1000 номеров), гараж с большим количеством автомобилей на прокат, рестораны и кафе для посетителей с разным уровнем дохода. Постепенно Щукин стал претворять свой план в жизнь, приобретать землю, которая принадлежала небогатым владельцам или была заложена¹⁰. Осуществлению этого грандиозного проекта помешала Первая мировая война¹¹.

Один антрепренер мог совмещать в себе несколько функций – быть владельцем земли, директором сада, стоять во главе театра и т. п. Но более распространенной была ситуация, когда антрепренер арендовал участок земли у частного владельца (реже — города), разбивал сад, возводил постройки, или снимал готовый сад. Затем уже он нанимал администраторов, главного режиссера, кассиров, официантов и других служащих, помещал объявления о сдаче внаем увеселительных предприятий, приглашал подходящую труппу для закрытого театра, подыскивал актеров, музыкантов, циркачей для открытой сцены и кафешантанной веранды.

Особое внимание антрепренеры уделяли рекламе - афишам, плакатам, статьям и анонсам в прессе, специальным рекламным буклетам, концертам для детей, благотворительным праздникам и гастролям знаменитостей. Все делалось для того, чтобы

завоевать симпатии публики. Но на эти уловки шли в основном антрепренеры крупных садов для состоятельных горожан. Афиши и буклеты пестрели множеством восклицательных знаков, всевозможными эпитетами, словосочетаниями «концерт-монстр», «синематограф-гигант», «галла-вечер», «грандиозное действо», «необычайное гулянье», «феерическая иллюминация», «море огней и развлечений». Фамилии известных гастролеров печатались изящным крупным шрифтом, сразу бросающимся в глаза.

Лентовский одним из первых устраивал яркую рекламу для своих представлений – в дни постановок он нанимал мальчишек с летучками, напечатанными в красках с картин известных художников¹². Он специально занимался разработкой текста афиш для привлечения малокультурной части московской публики.

Для привлечения внимания к своему саду вскоре после открытия Щукин сделал очень умелый ход - устроил бесплатный спектакль «Снегурочка» 2 января 1895 года для воспитанников учебных заведений города Москвы. Во время антрактов детям подавали угощение (конфеты, фрукты, пирожные, печенье, орехи и чай) и дарили подарки¹³. Об этом концерте многократно писали газеты, что сильно поспособствовало популярности сада.

Сады для рабочих, популярные уже в силу своей доступности, в рекламе, как правило, не нуждались. У их ворот могли стоять зазывали, но в большинстве случаев они приглашали публику только в дни праздников, особых концертов и гуляний.

За порядком в садах следили городовые, и по распоряжению московского генерал-губернатора чины местной полиции могли входить в увеселительные места в штатском платье.¹⁴ Жалобы о беспорядках, кутежах и дела о несогласия между антрепренерами посылались в канцелярию московского генерал-губернатора. Аресту могли подвергаться как посетители за непристойное поведение, так и артисты за участие в политических делах, за исполнения не прошедших цензуры произведений, за пьянство и драки. Например, куплетист открытой сцены сада «Ренессанс» Петр Иванов был привлечен к ответственности за то, что пел куплеты, не прошедшие цензуры, где был затронут депутат Пуришкевич¹⁵.

До введения сухого закона 22 августа 1914 г. почти во всех садах, за исключением семейных, в буфете, ресторане продавали крепкие спиртные напитки; наличие карты вин указывалось в афишах и газетных объявлениях. Однако власти осторожно относились к заведениям, где продавались крепкие напитки, и запрещали вход туда нижним военным чинам, состоящим на действительной службе, воспитанникам учебных заведений и малолетним. Во время отпуска военные могли посещать подобные места, но только в штатском платье.

В общественных садах распитие алкогольных напитков строго возбранялось. В Сокольнических чайных в конце 1890-х гг. также была запрещена торговля спиртными напитками, более того, чайниц могли оштрафовать за то, что кто-то распивает принесенный с собой алкоголь. В «Московском листке» очень часто описывались случаи борьбы чайниц с жаждущими тайно выпить посетителями. «У какого-то купца, занявшего с супругой столик, появился на последнем аптекарский пузырек, величиной с полбутылки, с сигнатуркой и ярлычком. Заметив, что купец принимает лекарство на глазомер из чашки, да еще заедает печеным яйцом, чайница, подойдя к столу, спрашивает: «Ай, лечитесь?» - «Лечусь, матушка», - жует купец желток. «Не увидел бы кто!» - «Счас допью, никто не увидит! Да, ты не бойся: вишь, рецепт привязан, значит, доктор прописал!» - «Мне не прописал бы!» - «Отвернись!»»¹⁶.

Все увеселительные сады находились под контролем Дирекции императорских театров. Содержатели садов платили прямой налог в пользу театров в виде обязательной платы за каждое увеселение и косвенный налог в пользу Дирекции в виде обязательства за непомерно высокую плату печатать афиши, билеты, а также все рекламные публикации. Помимо этого с 1892 г. с каждого билета, включая контрамарки, собирался марочный сбор 5-10 копеек в пользу Общества императрицы Марии. Как правило, на билете указывалась себестоимость, размер сбора и наклеивалась специальная марка, без которой он считался недействительным.

Самыми дорогими садами были «Эрмитаж», «Аквариум» и Сокольнический круг – с 1905 по 1916 г. входная плата составляла 50 коп. На втором месте по стоимости входных билетов стоят сады в загородных парках и коммерческие сады на окраинах – 30-40 коп. Самыми дешевыми являлись общественные сады. Существовали скидки для детей и низших чинов, например, в Зоологическом саду полный входной билет стоил 35 к., льготный – 15 к. Обычно тем, кто брал билеты в театр, предоставлялся бесплатный проход в сад.

Садовые сборы сильно зависели от погодных условий, регулярности трамвайного движения и доступности извозчиков. Доходы театра сильно разнились в зависимости от того, что шло на сцене: оперетты, драмы, гастрольные звезды, симфонические концерты. Например, в 1917 г. в театре «Эрмитаж» воскресные сборы составляли в среднем 20000 руб., куда входила ресторанный выручка, сумма от продажи билетов, входная плата в сад¹⁷.

«Концерт-монстр! Синематограф-гигант! Галла-вечер! Впервые в Москве!»

Садовый сезон чаще всего начинался в понедельник Святой недели, когда «зимние» театры уезжали на гастроли. В годы ранней Пасхи, особенно если стояла холодная и дождливая погода, немногие антрепренеры рисковали открыть свои сады, но с 1 мая работали почти все. Закрывался сезон во второй половине августа – начале сентября. В осенние и зимние месяцы в некоторых садах продолжали работать закрытые театры, на зиму могли заливать каток и устраивать ледяные горы.

Садовые программы обычно организовывались по одному принципу, и часы работы садов практически совпадали. Все открывалось гуляньем: в будние дни в 6 вечера, в праздники – в 2-3 часа дня (в Зоологическом саду и загородных парках в полдень). В 8-8.30 вечера начинался спектакль в закрытом театре с дивертисментом в антрактах; по окончании или параллельно с этим на открытой сцене была своя программа из 20-40 номеров и аттракционов. С полуночи на веранде ресторана шла концертная программа. В праздники и выходные дни в садах играли оркестры, иногда два-три одновременно. В закрытых театрах с плохой звукоизоляцией действие на сцене часто перекликалось с музыкой оркестра или со звуками, доносящимися с открытой площадки. Большинство садов работало до 5 утра, торговля в буфете-ресторане заканчивалась за час до этого. С началом Первой мировой войны сады стали закрываться в 1-2 часа ночи.

Развлечения в увеселительных садах представляли собой синтез высшей и низшей культуры, заимствуя разные элементы из казенных театров, европейских кабаре, цирка и балаганных представлений. Они позволяли встречаться на одной площадке актерам противоположных жанров и разных по своему положению театров: императорских и ярмарочных балаганов, взаимно черпать новые образы и манеру исполнительства.

Репертуар садовых сцен, как и репертуар театров, контролировался Обществом драматических писателей и оперных композиторов. Существовала правовая, политическая цензура, но практически никакому контролю не подвергалась художественная сторона программы. Почти во всех частных садах дивертисмент пестрел пошлыми шутками, что пользовалось успехом у публики. В общественных садах дивертисмент зачастую был вялым и скучным. Цензура спокойно разрешала фарсовые представления и даже потворствовала им.

Закрытые театры разных увеселительных садов специализировались на каком-то конкретном жанре, или же там шло все, начиная от симфонических концертов, оперы, балета, драматических спектаклей, и заканчивая опереттой, фарсом, комедией и обозрением.

Садовая оперетта напоминала бытовую музыкальную комедию с «безопасными» шутками на злобу дня. Заграничные пьесы и оперетты (чаще немецкие и австрийские) в

большинстве случаев переводились самим же режиссером (например, С. Ф. Сабуровым). Переводом это можно было назвать весьма условно – режиссер сохранял сюжетную канву, добавлял различные детали, злободневные шутки в речь героев, иногда имена действующих лиц переделывались на русский лад, сохранялся опереточный сюжет, а место действия переносилось в русскую действительность. Появлялось огромное количество русских опереточных авторов-ремесленников, которые писали русские оперетты, следуя основным канонам западного жанра.

Дивертисмент открытой сцены состоял из цирковых, танцевальных, эстрадных, песенных, музыкальных и балетных номеров, связанных между собой юмористическим конферансом. Например, такой номер «аттраксьонного» характера шел одно время в «Ренессансе»: «американец» Габрец должен был вскарабкаться на шест в 14 сажений высотой (около 30 метров) и оттуда, головою вниз, полететь в вырытую у подножия шеста яму, наполненную водой. Этот «смертельный номер» оправдал свое название и однажды закончился трагической гибелью Габреца на глазах у довольной публики¹⁸.

На веранде ресторана обычно пели хор и капелла, исполнялись русские и цыганские романсы, арии из оперетт, популярные куплеты, шансонетки и модные танцы; в некоторых садах афиши каждый вечер обещали «букет новых этуалей». После своих выступлений «этуали» нередко спускались в зал и подсаживались за столики к поклонникам. Довольно распространенной была ситуация, когда «в хоре из 16 человек пели 6, а остальные «работали» за столиками»¹⁹, провоцируя посетителей заказывать побольше дорогостоящих спиртных напитков, сладостей и фруктов.

Помимо дивертисмента и спектаклей в садах было много других увеселений. Там, где имелись пруды, проводились гонки на лодках с призами; пользовались популярностью аттракционы, танцы, катание на роликовых коньках, французская борьба, синематограф; в праздничные дни и по особым торжественным случаям устраивались фейерверки. В некоторых парках работали тир, кегельбан, бильярд, беспроигрышная лотерея. Устраивались в садах и детские праздники, проходившие по обычной «взрослой» программе. Детям показывали представления, раздавали гостинцы, устраивали маскарады, танцы, показы мод, шествия, игры и конкурсы. В Зоологическом саду проводились даже специальные детские экскурсии.

«Дозвольте Вас, мамзель, на тарантеллу!»

Сады были рассчитаны на широкую публику – любой достаточно опрятно одетый человек мог попасть туда, заплатив входную плату, но, тем не менее, у каждого сада была своя более или менее постоянная публика. Центральные сады, «Эрмитаж» и «Аквариум»,

были популярны среди богатого купечества, крупных фабрикантов и состоятельного дворянства. После открытия «Зеркального театра» в «Эрмитаже», где давались симфонические концерты и классические оперы, сад стала чаще посещать интеллигентная публика. «Эрмитаж» был также излюбленным местом многих богемных творческих личностей, о чем свидетельствуют их воспоминания. Центральные сады могли посетить члены императорской фамилии или представители высшего чиновничества в дни выступлений мировых знаменитостей, об этом заранее писали газеты. Но в целом, развлечения в крупных садах были ориентированы на вкусы обеспеченного купечества.

Рестораны центральных садов по ценам были доступны только состоятельной публике, на которую и была ориентирована программа на веранде. Досуг небогатых посетителей был несколько ограничен: они довольствовались прогулкой по саду, программой открытой сцены, но при желании могли попасть и в закрытый театр. В праздничные и воскресные дни сады были переполнены, в них приходило до 5 – 6 тысяч человек. Программу на открытой сцене могли видеть только приобретшие билеты на сидячие места. Остальным приходилось стоять и следить за происходящим на сцене по программке. И хотя с какого-то времени в афишах «Аквариума» делали приписку: «Всем все видно»²⁰, на деле это было далеко не так.

«- Смотрите – знаменитая арабская трупп Бен-Буяша. Ишь какие штуки откалывает!

- Замечательно! А сколько их?

- В программке сказано, что 12 человек! Вон, глядите, что делают!

- Чудеса!

- Виноват, я ошибся! Это не арабская труппа, а русская шансонетка Славина.

- Ну, вот! А Вы говорите...

- Да, кто ж его разберет! Я и сам думал, что арабы. Ну, теперь, не зевайте! Самый интересный номер: куплетист Убейко. Остроумный малый! Слышите?

- Как не слышать?!

- Ловко он насчет городской Думы прохаживается.

- Талант. А только отчего он по-собачьему лает?

- Лает? А ведь Вы правы. Погодите... Черт возьми!, опять ошибся! Это, оказывается, не куплетист, а дрессированная собака»²¹.

Петровский парк и Сокольники охотно посещались дачниками, правда, первому отдавали предпочтение «сливки» общества, особенно в дни праздничных разъездов, а второй привлекал более демократичную публику: от мелкого лавочника, богатого купца до интеллигента, пришедшего на симфонический концерт на кругу. В Петровском парке

носили франтоватую одежду, чтобы не выделяться, т. к. его публика была праздная, нарядная, фешенебельная, приехавшая показать лошадей, хорошеньких жен и их туалеты²². Дачная публика приходила в сады не себя показать, а на других посмотреть. Дачники редко заказывали столик, потому что «дачник — человек аккуратный, экономный. Он норовит на шармачка на скамеечке посидеть, воздухом подышать». Дачников можно было узнать по отсутствию шляп у дам и «дачным костюмам у мужчин»²³.

Частные окраинные сады пользовались спросом среди мастеровых, мелких чиновников, конторщиков и лавочников. Люди ходили туда по отдельности, семьями и компаниями. Надо сказать, что простые горожане пытались копировать манеры представителей буржуазии, что проявлялось в их поведении и одежде. Этому способствовало то, что сами формы отдыха народа в коммерческих садах приближались к способам досуга имущего класса. В качестве иллюстрации приведем отрывок из очерка А. Пазухина: «Шмыгают змейками юные портняжки и белошвейки. В большинстве случаев голова не покрыта, но прическа «модная». У некоторых даже локоны. Ходят парами, с «подругой», смеются, визжат, кокетничают с «кавалерами». «Кавалеры» с тросточками в руках с «цигаркой» во рту. Ходят за девицами как тени, острят, как ломовые извозчики. Но в общем обе стороны довольны друг другом.

–Вы сегодня, мамзель, на манер Лины Кавальери... - говорит один, наклоняясь к «предмету», - оченно даже прекрасны!

– Чиво-с? - вскидывает та на него глаза. - Как Вы сказали?

– Очень уж даже хороший комплимент Вам произнес. - Лина Кавальери — первая, можно сказать, на свете красавица!

– Уж Вы скажете – краснеет предмет — очень даже нехорошо с Вашей стороны меня в смущение приводить. – Но в глазах горит плохо скрываемое торжество. И «кавалер» совершил уже полпобеды»²⁴.

Рабочая публика очень часто являлась совершенно непредсказуемой. «Фабричные театры, народные дома не имели того воздействия на рабочий класс, на которое рассчитывали их организаторы. Зрители часто напивались перед началом представлений или приносили с собой водку в театры, как на гулянья. Рабочая аудитория иногда неожиданным образом реагировала во время представления драматических спектаклей или оперы, смеялась невовремя или, например, находила сцену дуэли в «Евгении Онегине» гораздо более интересной, чем знаменитую арию Ленского, которая ей предшествовала»²⁵. Но народные театры и гулянья все-таки значительно изменили

характер развлекательной культуры российских столиц, где впервые стали доступны низшим слоям городских жителей.

В общедоступные окраинные сады ходили мастеровые, рабочие, жители окраин – ограниченный круг посетителей. Общественные театры, где шли «народные спектакли» посещал только простой народ, кому они предназначались. В народные дома и на Сокольнический круг с качественными театральными представлениями и концертами ходила интеллигенция и учащаяся молодежь. А в центральных, казалось бы, дорогих садах и в парках могли встречаться представители всех социальных групп. Таким образом, именно коммерческие крупные сады служили связующим звеном между представителями разных слоев общества.

Увеселительные сады достаточно прочно заняли свою нишу в жизни москвичей, создав альтернативу народным гуляньям, при этом соединяя в себе черты русских балаганов, заграничных кафешантанов, мюзик-холлов и кабаре.

Большинство увеселительных садов пережили обе революции и были закрыты или национализированы в 1918 г. До наших дней дожил сад «Эрмитаж», сохранив частично бывшую территорию и некоторые постройки; кусочек сада «Аквариум» остался в виде маленького скверика перед театром «Моссовета»; до сих пор существуют Сокольники и Петровский парк.

1 Студия. 1912. № 30-31. С. 15.

2 Wroth Warwick. The London Pleasure Gardens of the 18th Century. London, 1898.

3 Кузнецов Е. Из прошлого русской эстрады. М., 1958. С. 101-102.

4 Там же. С. 113-114.

5 Чехов А. П. Осколки московской жизни. Собрание сочинений в 15-ти т. М.: «Терра», 1999. Т. 11. С. 323-324.

6 Московский листок. М. 1912. № 108. С. 3.

7 Серполетти А. З. Увеселительные сады. //ГЦТМ А. Бахрушина. Ф. 533. №34. С. 45.

8 Леднев-Щукин Д. Е. Основание театра и сада «Эрмитаж». //ГЦТМ им. А. Бахрушина. Ф. 543. №1. С. 5.

9 Уварова Е. Д. Как развлекались в российских столицах (конец XIX – начало XX века). СПб, 2004. С. 66.

10 Вся Москва. М., 1905.

11 Леднев-Щукин. С. 30.

12 Попов С. А. О феерии. //ГЦТМ им. А. Бахрушина. Ф.216. С. 18.

13 Леднев-Щукин. Указ. Соч. С. 6.

14 Театральная Россия. 1905. № 22. С. 380.

15 Рампа и жизнь. 1910. № 25. С. 410.

16 Московский листок. 1905. № 121. С. 3.

17 Новости сезона. 1917. №3411. С. 4.

18 Московский листок. 1911. №171. С. 3.

19 Там же. 1910. №168. С. 3.

20 Там же. 1909. № 104. С. 1.

21 Там же. 1911. № 81. С. 3.

21 Там же. 1895. № 129. С. 3.

22 Там же. 1911. № 169. С. 3.

23 Там же. № 93. С. 3.

24 Свифт Е. Развлекательная культура городских рабочих. // Развлекательная культура России XVIII — XIX вв. Под ред. Е. Дукова. М., 2000. С. 308.